

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 94
ББК 63.3(0)63
ИЗ2

Редакционная коллегия:

В. Е. Багно, П. Р. Заборов, М. Ю. Коренева, К. С. Корконосенко

Рецензент:

М. Э. Маликова

ИЗ2 Из истории русской переводной художественной литературы первой четверти XIX века : сб. статей и материалов. — СПб. : Нестор-История, 2017. — 464 с.

ISBN 978-5-4469-1194-3

Настоящий сборник продолжает «Историю русской переводной художественной литературы (Древняя Русь. XVIII век)», изданную в 1995–1996 гг. в Пушкинском Доме, и представляет материалы, относящиеся к первой четверти XIX в.

В статьях отражено восприятие в России этого периода испанской литературы, освоение немецкой и польской литератур в журнале «Вестник Европы» и изданиях Харьковского университета, прослеживается бытование в русской литературе произведений Ф. Петрарки, Л. Стерна, А. Коцебу, Т. Мура и трудов немецких философов, освещается переводческая деятельность П. И. Голенищева-Кутузова и И. М. Муравьева-Апостола, анализируется «сибирская тема» во французском «женском» романе. Кроме того, в сборнике публикуются неизданные переводы из Расина, Вольтера и Ламартина, а также ряд библиографических материалов.

ISBN 978-5-4469-1194-3

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Е. Багно, М. Е. Коренева</i> Предисловие	5
---	---

СТАТЬИ

<i>К. С. Корконосенко</i> Испанская литература в русской печати первой четверти XIX в.	17
<i>Г. А. Тиме</i> О переводах философских сочинений в России в 1801–1825 гг.	33
<i>Р. Ю. Данилевский</i> Немецкая литература в «Вестнике Европы» (1802–1830)	43
<i>К. Б. Егорова</i> Польская литература в Харьковском университете: начальный этап	113
<i>А. В. Волков</i> П. И. Голенищев-Кутузов — переводчик древнегреческой поэзии.	127
<i>А. Ю. Миролобова</i> Ранняя русская рецепция «Канцоньере» Петрарки.	144
<i>Г. В. Стадников</i> Проза Гёте в первой четверти XIX в.: библиографические заметки	162
<i>Е. Е. Дмитриева</i> Судьбы драматургии Августа Коцебу в России	174
<i>Е. В. Халтрин-Халтурина</i> Переводы из «Макбета» и «Генриха V» И. М. Муравьева-Апостола на фоне британского восприятия шекспировской риторики	218
<i>Н. А. Дроздов</i> «Сентиментальное путешествие» по России: ранние переводы	229
<i>И. И. Бурова</i> «The Minstrel Boy» Т. Мура в русских переводах 1820-х гг.: тексты и контексты	257

Д. В. Токарев

- Сибирь как аллегория и Сибирь как символ в двух французских переводных романах начала XIX в. («Русской курьер» Аделаиды де Бреси и «Елизавета, или Сибирские изгнанники» Мари-Софи Коттен) 271

ПУБЛИКАЦИИ

А. О. Дёмин

- Рассказ Терамена в переводе Гнедича 285

П. Р. Заборов

- Неизданный русский перевод трагедии Вольтера «Заира» 292

А. О. Дёмин

- Переводы стихов А. де Ламартина из архива Г. Р. Державина 356

БИБЛИОГРАФИИ

Н. А. Дроздов

- Английская литература в России первой четверти XIX в.: библиография 381

К. С. Корконосенко

- Испанская литература в России первой четверти XIX в.: библиография 443

- Указатель имен 454

СТАТЪИ

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РУССКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Предыстория

Испанскую литературу в России переводили начиная со второй половины XVIII в.¹ Было выполнено больше десятка переводов произведений Сервантеса, издавались плутовской роман «Жизнь Лазарилля Тормского» и «Селестина», переводились философско-политические трактаты Сааведры Фахардо, два трактата Бальтасара Грасиана, труды испанских гуманистов эпохи Возрождения (Антонио де Гевары и Хуана Луиса Вивеса); переводились переделки и собственные плутовские романы на испанскую тему Алена Рене Лесажа: «Le diable boiteux» (СПб., 1763; СПб., 1774–1775; СПб., 1791), «Les aventures de Guzman d'Alfarache» (М., 1787), «Gil Blas de Santillane» (СПб., 1754; 9 переизданий в 1761–1822 гг.), «Le bachelier de Salamanque» (СПб., 1763; СПб., 1784), «Estebanille Gonzalès» (СПб., 1765–1766).

На русской сцене ставились французские и немецкие переделки пьес испанских драматургов Золотого века (Кальдерона и Тирсо де Молины — впрочем, без указания имен авторов), отрывки из пьес Лопе де Веги и Агустина Морето публиковались в обзорных статьях в российских журналах.

Н. М. Карамзин создал первый в русской литературе перевод испанского народного романа («Граф Гваринос, древняя гишпанская историческая песня» — 1789, опублик. 1792) — с немецкого стихотворного перевода Ф. Ю. Бертуха². Этот роман был переиздан в «Московском журнале» за 1802 г.

В журнале «Утренние часы» (октябрь, декабрь 1788) были опубликованы четыре басни Т. Ириарте (оригинал — 1782), переведенные, вероятно, П. А. Озеровым с французского языка.

В целом можно сказать, что в XVIII в. русские только начинали знакомиться с испанской литературой и, шире, с испанской культурой. Единственной книгой, действительно укоренившейся в российском

¹ Подробнее см.: *Корконосенко К. С.* Испано-русские литературные связи // Русско-европейские литературные связи. XVIII век: Энциклопедический словарь. СПб., 2008. С. 79–91.

² Подробнее см.: *Алексеев М. П.* 1) К литературной истории одного из романсов в «Дон-Кихоте»; 2) К литературной истории баллады «Граф Гваринос» // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 224–257.

культурном обиходе, стал «Дон Кихот». Первая волна интереса к Испании в России относится уже к началу XIX в.

Составленный обзор переводов и статей об испанской литературе в русской печати опирается на публикуемую ниже библиографию. В этом списке (с одной стороны, неполном, с другой, — избыточном) около 50 книжных и журнальных публикаций; сразу отмечу, что переводов из Сервантеса и статей о нем больше всего — в сумме девять, причем есть несколько многотомных изданий и переизданий.

Обзор переводов

Первое, что обращает на себя внимание при изучении составленного списка — это разнородность и даже «случайность» переводов этих лет. Не было установки на перевод «шедевров» или на воссоздание «системы» испанской литературы на русском языке, на планомерную подготовку свода, призванного дать целостное представление об испанской литературе. Второе — это почти полное отсутствие прямых переводов: за исключением одного случая все они были выполнены с французского или с немецкого языков. Третье — определенное равноправие, примерное количественное соответствие собственно переводов и статей об испанской литературе и отдельных писателях в российских журналах — как правило, тоже написанных по иностранным источникам. В таких работах зачастую приводился и пересказ или перевод целых отрывков из отдельных испанских произведений; так же обстояли дела и в XVIII в., но такая паритетность уже не будет характерна для последующих эпох, когда переводов публиковалось больше, чем обзоров.

Как уже было сказано, первое место по количеству переводов и их переизданий занимает, что вполне предсказуемо, Мигель де Сервантес: в интересующий нас период были опубликованы два издания «Дон Кишота Ла Манхского» в переводе В. А. Жуковского (с французского перевода Флориана; в «Вестнике Европы» за 1806 г. вышла рецензия на этот перевод); переиздан сокращенный и обогащенный произвольными вставками перевод XVIII в. Н. П. Осипова (1812) — достаточно сказать, что в финале Дон Кихота вылечивают от сумасшествия с помощью некоего «потребного для излечения от сумасбродства лекарства»³. Еще в 1800 г. вышел в свет перевод «пастушеского романа» «Галатя» (также с переработки Флориана).

Впервые почти в полном составе опубликованы, а затем и переизданы «Назидательные новеллы» — под названием «Повести Михайлы Сервантеса», в переводе с французского Федора Кабрита (по происхождению немца) — в эти сборники также, на равных правах

³ Цит. по: Багно В. Е. «Дон Кихот» в России и русское донкихотство. СПб., 2009. С. 27.

с остальными «повестями», включена вставная новелла из «Дон Кихота» — «Безрассудное любопытство». Переводы Кабрита представляют собой образец легкой для чтения прозы, по сравнению с текстом Сервантеса они несколько перегружены нравоучениями; при этом не обошлось без произвольных вставок и пропусков — вероятно, Кабрит следовал в этом французскому посреднику. Следует отметить еще одну любопытную тенденцию: везде, где это возможно не в ущерб сюжету, из текста убраны испанские имена собственные: названия селений, городских кварталов, площадей и т. д. Стихотворения, которые встречаются в тексте новелл, Кабрит приводит по-французски, а ниже дает подстрочный прозаический перевод на русский язык.

Такая практика, причем подкрепленная теоретическими обоснованиями переводчиков в предисловиях и подстрочных примечаниях, была характерна и для середины, и даже для второй половины XIX в. В середине XIX в. испанскую классическую драматургию нередко переводили прозой: так, например, поступал с пьесами Кальдерона, Моратина, Морето и Фр. де Рохаса К. И. Тимковский, лишь иногда переводивший белым стихом отдельные монологи. В 1852 г. П. А. Кулиш, переводчик статей Дж. Тикнора об испанской литературе, в подстрочном примечании указывал: «...мы, вместо того, чтобы передавать, по примеру Тикнора, стихи стихами, переводим с испанского подлинника прозой, стараясь сохранить, где возможно, причуды испанской речи времен Лопе де Веги, в ущерб, может быть, плавности русской конструкции. По нашему мнению, старина не должна быть переводима ново-сложенными фразами, а иноземный характер речи только тогда и делается понятен для русского читателя, когда в переводе сохраняются (сколько это возможно) свойственные ей идиотизмы»⁴. Той же традиции (уже в 1883 г.) придерживался другой переводчик Тикнора Н. И. Стороженко: «Что касается до многочисленных отрывков из произведений испанской поэзии, приводимых Тикнором в английском стихотворном переводе, то мы сочли за лучшее перевести их прямо с испанских подлинников и притом прозой»⁵. Отметим также точку зрения Ю. В. Доппельмайер, переводчицы труда Г. Гюббара, по мере возможности стремившейся переводить стихи стихами. К серранилье Маркиза де Сантьяны «*Moza tan hermosa...*» (у Стороженко передана прозой), приведенной на староиспанском языке в «Истории современной литературы в Испании», Доппельмайер сделала следующее характерное примечание: «Это подражание

⁴ [Тикнор Дж.] История испанской литературы. Статья 3-я // Отечественные записки. 1852. Т. 82. № 6. Отд. II. С. 83.

⁵ Тикнор Дж. История испанской литературы / Пер. с англ., предисл. Н. И. Стороженко. М., 1883. Т. 1. С. II.

провансальским поэтам, образец первобытной древней кастильской песни, не поддающийся переводу на другой язык»⁶.

Что касается перевода «Галатеи», выполненного в 1800 г. А. Кандорским (равно как и двух переводов плутовского романа «Гузман д'Алфараш» — 1804, 1813), то мы имеем дело не с оригиналами испанских авторов, а с переводами французов — Флориана и Лесажа, тексты которых лишь отдаленно напоминают романы Сервантеса и Матео Алемана — испанцы в русских версиях даже не упоминаются. Так, в посвящении к «Галатее» Кандорский пишет: «ФЛОРИА-НОВА Муза изобразила здесь приятную жизнь пастухов кистию разительною»⁷. Отметим, что стихи в «Галатее» переведены стихами, но это опять-таки стихи не Сервантеса, а Флориана.

Перевод-переделка «Дон Кихота», выполненный Жуковским с французского перевода Флориана, обстоятельно исследован в книгах В. Е. Багно. Приведем самые важные характеристики этой версии:

О причинах, по которым Жуковский взялся за перевод романа, и именно в флориановской версии, сказано: «Жуковский обнаружил в “Дон Кихоте” многое из того, что отвечало его литературным пристрастиям и устремлениям и что привлекало внимание его современников. Все те элементы, которые были либо недавно введены в русскую литературу, либо только в нее входили, однако в разрозненном виде, в романе Сервантеса присутствовали в сочетании, синтезе и единстве:

- нередко идиллическая атмосфера, мастерски обрисованная Флорианом и им значительно усиленная;
- герой, воодушевленный высокими идеалами и вместе с тем живой и реальный; человеческий тип, в обрисовке которого в русской литературе еще не было достаточного опыта, но была насущная потребность;
- гениальный образ человека из народа, “поселянина”, отличный от нередко блеклых, одномерных изображений его в русской оригинальной и переводной литературе второй половины XVIII в.;
- яркие сатирические зарисовки. “Дон Кихот” демонстрировал возможность разработать различные языковые и стилистические пласты в одном произведении одновременно, без разделения на жанры, наряду с возможностью пропаганды высоких идеалов добродетельной жизни»⁸.

По мнению В. Е. Багно, благодаря предисловию Флориана к своему переводу «Жуковский имел достаточно четкое представление

⁶ Гюббар Г. История современной литературы в Испании. М., 1892. С. 25.

⁷ Кандорский А. Посвящение // Галатея: Пастушеский роман, изданный г. Флорианом / Пер. с фр. А. Кандорского. М., 1800. [Без паг.]

⁸ Багно В. Е. «Дон Кихот» в России и русское донкихотство. С. 27.

об отличиях французской версии от испанского оригинала. Между тем некоторые тезисы этого предисловия, некоторые важные сведения о стиле Сервантеса и его поэтике, которые он оттуда почерпнул, давали ему возможность (которой он воспользовался) передать отдельные особенности “Дон Кихота” точнее, ярче и глубже, чем Флориан»⁹.

Пожалуй, самым важным наблюдением В. Е. Багно, его литературоведческим открытием нужно считать следующую мысль: «Заметная особенность перевода Жуковского по сравнению с флориановской версией — усиленная фольклорность. Это позволяет Жуковскому, вопреки нейтрализующей манере французского писателя, приблизиться к “Дон Кихоту” Сервантеса “через голову” Флориана. Причем осуществляется этот принцип по ходу перевода в целом, в то время как отдельные решения зачастую оказываются малоубедительными»¹⁰. «Знаменательно при этом, что трудности чисто переводческого характера позволяли Жуковскому подчас вплотную приблизиться к недоступному для него оригиналу вопреки уводящему в сторону переводу-посреднику»¹¹.

Отметим также отзыв о «Дон Кишоте» Жуковского в «Вестнике Европы» за 1806 г. — первую в российской печати рецензию на перевод испанского произведения¹². Формально этот текст представляет собой краткое предисловие к помещенному там же отрывку из перевода Жуковского, но из него можно сделать и выводы о самом характере работы Флориана и Жуковского: «Флориан некоторые места переменил, другие выпустил: сего требовало самое почтение к Автору и вкус нынешнего времени»¹³.

На втором месте по числу публикаций и переводов в первой четверти XIX в. стоит забытый ныне поэт-баснописец Томас де Ириарте. Его басня «Гусь и змея» была издана дважды: в прозаическом переводе Алексея Коптева (1806) и в стихотворном переложении Петра Вяземского (1815) — в этой версии последнее четверостишие (мораль) было добавлено самим Вяземским¹⁴.

Но существует еще один перевод, выполненный в интересующую нас эпоху, но опубликованный гораздо позднее (1912) — «Гусь и змея» Кондратия Рылеева, его ученический перевод с французского посредника. Вот как атрибутировал Ю. Г. Оксман перевод

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Там же. С. 37.

¹² Новая книга: Дон Кишот Ламанхский. Сочинение Серванта. Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским... // Вестник Европы. 1806. Ч. 30. № 24. С. 286–292.

¹³ Новая книга: Дон Кишот Ламанхский... С. 292.

¹⁴ Подробнее см.: Корконосенко К. С. О четырех ранних переводах басни Томаса де Ириарте «El Pato y la Serpiente» // Русская литература. 2016. № 4. С. 41–45.

К. Ф. Рылеева: «Наиболее вероятная дата написания басни [как мы полагаем на основании изучения всей тетради] первая половина 1813 г.»¹⁵.

В 1809 г. было опубликовано еще одно произведение Ириарте, которое в дальнейшем никогда не переиздавалось: так называемый «мелолог» (т. е. монолог, рассчитанный на декламацию с музыкальным сопровождением) «Гузман, или Пример испанских воинов». Перевод выполнен с французского знаменитым впоследствии филологом-фольклористом И. М. Снегиревым. С поправкой на то, что поэтический текст был заменен на прозу, можно сказать, что в остальном перевод выполнен близко к испанскому оригиналу.

Первое десятилетие XIX в. примечательно еще и тем, что в эти годы впервые были опубликованы произведения живых, современных на тот момент испанских авторов: поэтов Арриаца (Арриаса-и-Супервьела, Хуан Баптиста де (1770–1837)) и Мелендеца (Мелендес Вальдес, Хуан де (1754–1817))¹⁶, прозаика Педро Монтенгона (1745–1824). В дальнейшем русские переводчики к творчеству этих авторов не обращались. Перевод романа Монтенгона «Евдоксия, дочь несчастного Велизария» (1809), сделанный с французского упомянутым уже Снегиревым, нужно признать самым точным в отношении испанского оригинала за всю первую четверть XIX в. Несмотря на наличие французского перевода-посредника («Eudoxie, fille de Bélisaire», 1802, перевел Toussaint Lardillon) текст испанского романиста буквально повторяется на русском языке, совпадает даже деление на абзацы. Ничем не мотивировано только прилагательное «несчастливого» в заглавии: и по-испански, и по-французски роман озаглавлен просто «Евдоксия, дочь Велизария».

В обзоре «Об испанской словесности», помещенном в 1812 г. в «Вестнике Европы», приведен по-испански отрывок стихотворения, приписываемого Мацасу Влюбленному, и полный прозаический перевод этого стихотворения, а также легенда об этом трубадуре. В небольшой и в целом критической статье Мацасу уделено больше внимания, чем Сиду или Гарсиласо де ла Вега. В 1815 г. в «Кабинете Аспазии» Борисом Федоровым была опубликована заметка «Трубадуры маркиз Виллена и его конюший Мацас». В текст заметки Федоров включил стихотворение «Совет прекрасным: Подражание испанскому поэту Мацасу» («вот два куплета его сочинения, милые своею простотою»); при этом Мацас Влюбленный (ок. 1340 — ок. 1370) никак не мог быть конюшим Энрике де Вильены (1384–1434), так как

¹⁵ Оксман Ю. Г. Басня К. Ф. Рылеева «Гусь и змия» // Уч. зап. Латвийского гос. ун-та (Пушкинский сборник. Вып. 2). Рига, 1974. С. 118.

¹⁶ Один из этих переводов принадлежит перу К. Н. Батюшкова: Срубленное дерево («Долины царь! о, древний вяз!...»): Стихотворение (Подражание Мелендецу) / Пер. Б. [К. Н. Батюшков] // Вестник Европы. 1807. Ч. 36. №27. С. 30–33.

они жили в разное время. То же стихотворение, приписанное Масиасу, Федоров позднее поместил и в «Новостях литературы» за 1825 г. Удалось установить, что на самом деле «Совет» является довольно близким переложением стихов другого поэта — Фернана Переса де Гусмана (ок. 1376 — ок. 1460). Этого указания нет в Сводном каталоге сериальных изданий России (1801–1825).

В 2004 г. вслед за А. Д. Умикян и М. П. Алексеевым мною было высказано предположение, что новелла Сервантеса «La gitanilla» была в 1795 г. переведена непосредственно с испанского языка, но с опорой на французский¹⁷. Предположение это, однако, не оправдалось: дальнейшие разыскания показали, что этот перевод точно воспроизводит французскую версию Лефебюра де Вилльбрюна (изд. в 1775 г.). Сейчас с большой долей осторожности можно перенести дату первого прямого перевода с испанского языка в русской печати на 21 год вперед. В 1816 г. Р. Т. Гонорский опубликовал в Украинском вестнике перевод известного романа «мавританского цикла» «Заид и Заида»¹⁸. В подзаголовке дана первая строка оригинала: «Por la calle de su dama etc.»; подпись гласит: «С Ишпанскаго Гонорский». В самом полном из опубликованных списков сочинений Гонорского тоже есть указание на испанский язык, название романа дано с ошибкой¹⁹; при этом никаких сведений, что Гонорский наряду с итальянским знал и испанский язык, обнаружить не удалось, поэтому о прямом переводе с испанского можно вести речь только предположительно. Определенно, это близкий к тексту, но сокращенный перевод версии народного романа, представленной в «Повести о Сегрú и Абенсеррах» (1595) Хинеса Переса де Иты.

Некоторая часть переводов испанской литературы осталась в то время в рукописях. Насколько велика эта часть, можно только предполагать.

О случае с переводом Рыльева говорилось выше; как установлено М. П. Алексеевым, «Романсы о Сиде» переведены были П. А. Катениным еще в 1822 г. по немецкому переводу Гердера, причем гердеровский перевод (1805) был сделан не с испанского подлинника, а с французского анонимного перевода. Однако изданы эти романсы были только в 1832 г., через год после появления переводов Жуковского²⁰. Катенин был также и первым переводчиком Фернандо де Эрреры (1534–1597); рукопись его сонета «На победу при Лепанто»

¹⁷ См.: *Корконосенко К. С.* Перевод с испанского в XVIII веке («Прекрасная цыганка» Сервантеса) // *Русская литература.* 2004. № 4. С. 117–124.

¹⁸ Заид и Заида: Отрывок романа («По тропинке своей милой...») // *Украинский вестник.* 1816. Кн. 9. Сентябрь. С. 330–332.

¹⁹ «Занд и Занда», с испанского (*Сумцов Н. Ф.* Гонорский Разумник Тимофеевич // *Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905)* / Под ред. М. Г. Халанского, Д. И. Багалея. Харьков, 1908. Разд. 2. С. 72).

²⁰ См. об этом: *Алексеев М. П.* Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 151–152.

находится в РГАЛИ²¹. По сведениям В. Е. Багно, в РНБ хранится черновая рукопись незавершенного перевода книги «Жизнь Святой Тересы, описанная ею самой», датируемая 1819 г.²²

Переводились также и нехудожественные тексты: изречения, политические трактаты и прокламации, географические описания (среди них — знаменитое письмо Колумба к испанскому королю), батальные репортажи и т. п.

Обзор обзоров

Некоторые статьи начала века сейчас выглядят забавно и, как думается, дают представление скорее не об испанской культуре, а о том, какова была мера ее незнания даже в соседних европейских странах. Приведу отрывок из «Описания гишпанского театра» из записок неизвестного английского путешественника в переводе Карамзина: «Первая пьеса бывает всегда комедия, весьма не моральная, а вторая опера, в которой актеры похожи на арлекинов, и до крайности неопрятны. Спектакль заключается фарсом, которого все достоинство состоит в подлых шутках и глупостях. Актеры не столько думают о своей роли, сколько о том, чтобы вымарать себе лицо сажей и кривляться страшным образом, так, что они похожи более на чертей, нежели на комедиантов. Суфлер сидит посреди театра за щитом и кричит во все горло; если кто-нибудь из актеров скажет слово без его дозволения, то он прерывает пьесу, начинает браниться, а нередко бросает и книгу им в лицо. Это забавляет испанцев лучше самой остроумной комедии; не надобно спорить о вкусах»²³.

Сходно строится и описание испанской оперы в короткой заметке «Театр при Карле II, короле испанском» (1822), в основе которого — также иностранный источник («Одна француженка, очевидная свидетельница, описала его следующим образом...»)²⁴.

Встречались, однако, и вполне серьезные обзоры-пересказы с первыми в русской печати упоминаниями испанских авторов, с характеристикой их творчества, с рассуждениями об особенностях поэтики, с вкраплением фрагментарных переводов и даже с цитатами на испанском языке. Несколько таких обзоров посвящены театру.

В 1807 г. в журнале «Минерва» появилось перепечатанное из парижского «*Journal des Dames et des Modes*» обозрение «Европейские театры». Раздел «Испанский театр» стоит в одном ряду с одинаковыми

²¹ См.: Багно В. Е. Испанская поэзия в русских переводах // Багно В. Е. Россия и Испания: Общая граница. СПб., 2006. С. 96.

²² Багно В. Е. Безумие перед Богом, или Мистический блуд (Святая Тереса в России) // Начало века: Из истории международных связей русской литературы. СПб., 2000. С. 32.

²³ Описание гишпанского театра: Из записок английского путешественника / [Пер. с англ. Н. М. Карамзина] // Вестник Европы. 1803. Ч. 7. № 1. С. 39.

²⁴ Театр при Карле II, короле испанском // Библиотека для чтения. 1822. Кн. 5. С. 88–89.

по объему разделами «Английский», «Итальянский», «Голландский», «Французский», «Немецкий», «Российский» театры. Он, в сущности, традиционен и сочетает в себе похвалу былому величию с признанием современного упадка. Ввиду малого размера приведем этот характерный для эпохи текст целиком.

«Сколько Испанцы ни отстали от других в театральных сочинениях, но надобно признаться, что они были наставниками в Драматической науке. Лопец ве Вега и Калдерон имели подражателями своими Корнеля и Мольера. Солис, Морето, Цамора, Кандамо и Канисарец более прочих успели в комедиях. Жаль, что самые важные явления наполнены у них пустыми шутками, а исторические происшествия смешаны с бреднями суеверия! В Мадрите два Театра, темные и нечистые; на них играют одни низкие комические пьесы. Актрисы несносны тем, что говорят в нос и музыки не знают. Шуточные интермедии представляют между действиями; комедии оканчиваются песнями на вкус Итальянский; оркестр играет порядочно, но голоса несносны. Старинные Испанские драмы безобразны и соблазнительны: в них обращаемы были в смех даже священные предметы, достойные благоговейного почтения»²⁵. Помещенный там же (с. 24–25) французский отзыв о российском театре намного более благожелателен.

В следующем, 1808 г. с французского был переведен еще один театральный обзор, отрывок из книги дипломата Жана-Франсуа де Бургуэна, написанной еще в 1789 г.: «О Гиспанском театре (Из «Tableau de l'Espagne moderne, par Bourgoing»)». Из этого обзора, формально посвященного современному для Бургуэна театру, можно было почерпнуть немало ценных сведений о драматургии Золотого века. В целом старые мастера получают в этом тексте высокую оценку, хотя в начале обзора француз и порицает их за несоблюдение принципа трех единств и обилие несообразностей.

О комедиях плаща и шпаги (написано по-испански, *de sara u espada*), говорится: «Здесь живейшими красками изображается то великодушие, которым они (испанцы — *К.К.*) и теперь еще отличаются; та любовь к отечеству и приверженность к религии, которые некогда заставляли их делать невероятные дела; то тщеславие национальной гордости, которое пышность слога заставляет извинять и почти удивляться; ту щекотливость в любви и чести, от которой некогда умножались в Гиспании поединки; те пожертвования,

²⁵ Минерва. 1807. Ч. 5. Май. С. 20–21. Последнее замечание перекликается с мнением Франсуа Арно, известном в России еще с конца XVIII века. Ср.: «...в Гишпанских комедиях самые важные сцены перемешаны с шутками. [...] Но еще и более того удивительнее в Гишпанском театре беспрестанное превращение в шутку важнейших вещей», — например, пародирование церковных текстов и даже насмешки над инквизицией (А. [Арно Ф.] О гишпанском театре: Пер. с фр. // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1792. Ч. 5. С. 127).

ту приверженность любви, которая надеется, то отчаяние любви несчастной, те хитрости любви, которой полагаются препоны»²⁶.

От мастеров прошлого Бургуэн переходит к драматургам XVIII в., превозносит дона Вицента де ла Гуэрту (Висенте Антонио Гарсия де ла Уэрта), Томаса де Ириарте и Моратина. На четырех страницах приводится фрагмент предисловия Уэрты к его «Испанскому театру», содержащего критику французских пьес.

В работе Бургуэна появляется первое в России рассуждение о специфике испанского стихосложения, вводятся понятия консонансной и ассонансной рифмы. Чтобы дать представление об испанской ассонансной рифмовке, Бургуэн «наудачу» приводит десять стихов из одной испанской пьесы. Удалось установить, что речь идет о начале монолога из пьесы «Сицилийская вечерня», совместного сочинения трех драматургов Золотого века: Агустина Морето, Луиса де Бельмонте и Антонио Мартинеса Менесеса. Цитированные в статье строки содержат немало ошибок, однако для того времени (к 1808 г.) это была самая пространная цитата из испанских авторов, появившаяся в российской печати²⁷.

В «Критическом обзоре сочинения г. Шлегеля», опубликованном в «Духе журналов» за 1815 г. (и действительно критическом по отношению к «Курсу драматической литературы»²⁸), уже встречаются восторженные отклики немецкого романтика о Кальдероне: «Но если Шекспир есть гений Англии, то Калдерон, божественный Калдерон! есть гений романтической поэзии: она одарила его всеми своими сокровищами, как будто хотела, расставаясь с нами, сберечь в творчестве Калдерона, как то обыкновенно делают в фейерверке, самые яркие цветы, самый ослепительный блеск и самые громкие выстрелы под конец»²⁹. В 1824 г. Кальдерон упомянут как отрицательный пример (в соответствии с консервативной направленностью издания) в переводном разборе од Гюго, помещенном в «Вестнике Европы»³⁰. Однако детального разбора творчества Кальдерона «по Шлегелю» в первой четверти XIX в. так и не появилось.

В еще одной переводной статье, «Нечто о Серванте и Дон-Кихоте» (Благонамеренный. 1818. Ч. 3. № 7. С. 55–61) приводится подборка новейших филологических и биографических изысканий о «Дон Кихоте» и его авторе — впрочем, на современном этапе развития

²⁶ Драматический вестник. 1808. Ч. 4. № 86. С. 58–59.

²⁷ Там же. С. 72.

²⁸ П. Р. Заборов установил, что авторство «Критического разбора» принадлежит перу Ф.-Б. Офмана (см.: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. Л., 1978. С. 167).

²⁹ [Офман Ф. Б.] Критической разбор нового сочинения г. Шлегеля, под заглавием: Курс драматической литературы: [Из J. des débats] // Дух журналов. 1815. Ч. 1, кн. 3. С. 158.

³⁰ «...иные рассуждают теперь в пользу Шекспира, Калдерона, Шиллера, [хотя] правила Горация и Буало возьмут верх над всеми затеями романтизма» (Вестник Европы. 1824. Ч. 136. № 13. С. 45–56).

сервантистики многие сведения из этой статьи следует признать ошибочными.

Особо следует отметить две статьи, помещенные в «Вестнике Европы» в 1809 и 1812 гг. Первая носит название «О красноречии Испанцев» и посвящена сопоставлению испанской литературы XVI–XVII вв. с другими литературами. Приведу несколько выдержек из этой французской статьи:

«Французы, Немцы и Англичане в наши времена стыдятся писать так, как писали славнейшие соотечественники их в XVII веке; напротив, Испанцы и Итальянцы почитают и поныне образцами тех писателей, которые процветали в сие время. Другие нации были еще грубы и больше походили на варваров; у Итальянцев и Испанцев был золотой век Литературы»³¹.

Французский автор приводит и важное различие, причем симпатии его на стороне испанцев, которые не подражали раболопно «Латинским авторам»; «Их проза вообще гораздо натуральнее, приятнее и более имеет гармонии, нежели проза Итальянских писателей одного с ними времени». Далее в статье упомянуты (некоторые — впервые на русском языке) такие авторы XVI в., как Хуан Боскан, Гарсиласо, Луис де Леон, Хуан де Мена, поэты XVII в. Аргензола (Луперсио Леонардо де Архенсола) и Виллегас (Эстебан Мануэль де Вильегас)³².

В целом же XVII в. объявляется периодом упадка в отношении слога. «Олива, потом Сервантес, Рибаденейра, Саяведра и прочие, процветавшие в начале следующего столетия, воспользовались всеми сокровищами языка своего и нисколько не унизили его величия; но скоро излишняя утонченность, ложные мысли, принужденность, надутость и темнота выражений обезобразили язык Испанской»³³.

Еще более информативна по объему изложенного материала статья «Об испанской словесности», представляющая пересказ основных положений книги некоего Мальмонте (Malmontet) «Essai sur la littérature espagnole», написанной в 1810 г. И многие из этих положений довольно неожиданны.

Статья начинается с такого утверждения: «Испанская словесность имела два несчастья: великие писатели ея, образуясь по сочинениям Итальянцев, почти совсем потеряли свой характер; они блистали в такое время, когда только учителя их могли судить об их успехах»³⁴.

Далее следует фрагмент, посвященный испанским трубадурам; приведены прозаические переводы стихотворений Масиаса Влюбленного, несколько строк процитированы и по-испански.

³¹ О красноречии Испанцев / Пер. с фр. П. С-ва // Вестник Европы. 1809. Ч. 44. № 7. С. 214.

³² Там же. С. 216.

³³ Там же. С. 216.

³⁴ R. Об испанской словесности // Вестник Европы. 1812. Ч. 64. № 16. С. 249.

Точно таким же образом включен в текст и отрывок из «Песни о Сиде» («Въезд Цидов в Бургос»). В целом же испанский эпос получил в статье не самую высокую оценку: «Просто сказать, это древняя повесть, не представляющая ничего пиитического. В стихах не соблюдено количество слогов; рифм почти нигде не видно; простота повествования иногда имеет какую-то особую приятность, которая происходит однако ж от содержания, а не от стихотворства»³⁵.

О средневековой поэзии в целом сказано: «Кастильское наречие было весьма еще далеко от совершенства и следственно не готово к тому, что у нас теперь называется поэзию; долгое время оно ничего не производило кроме рыцарских и баснословных романсов, песенек и повестей стихотворных»³⁶.

Важно отметить, что имена многих испанских авторов в этой пространной статье были впервые упомянуты на страницах русского издания. Сейчас их принято транскрибировать иначе, ближе к испанскому звучанию, однако узнать их все-таки можно. В этом ряду — Алфонс X, прозванный Мудрым, Принц Дон Жуан Мануил (приводится отрывок из книги примеров «Граф Люканор»), Жуан Рюш, главный священник Гитский; знатнейшие стихотворцы, последователи итальянской словесности Маркиз де Сантилана, Жуан Мена, Жорж Маурик, Жуан Енцина, Жуан Боскан и, конечно же, Гарсилас Вега. Приводится прозаический перевод фрагментов эклоги (пастухи Салицио и Неморозо, Галатея), «почитаемой образцом приятности, чистоты и нежности»³⁷. Упомянут также Дон Диего Гуртадо Мендоса, которому приписано авторство «Приключений Лазарилля Тормсого»; дан прозаический перевод из Луиса Леонского (из оды VII, «Folgaba el Rey Rodrigo...»).

Вывод Мальмонте вполне согласуется с окончанием цитированной выше статьи «О красноречии Испанцев»: после XVI в. «испанская словесность скоро потом ослабела, и немногие знаменитые писатели не могли остановить всеобщего ее падения»³⁸.

В журнале «Сын отечества» поместил обширное обозрение Фаддей Булгарин (Взгляд на историю испанской литературы // Сын отечества. 1821. Ч. 72. № 10. С. 289–305; Ч. 73. № 11. С. 3–21), который считался знатоком Испании, поскольку воевал там в рядах наполеоновской армии. Однако сам Булгарин не скрывает, что его обозрение составлено на основании трудов «ученых Критиков»; в первую очередь он опирается на книги Фридриха Бутервека и Симонда де Сисмонди. Из всех авторов, писавших об испанской литературе в первой четверти XIX в., Булгарин, определенно, выделяется резкостью своих

³⁵ Там же. С. 256.

³⁶ Там же. С. 257.

³⁷ Там же. С. 267–269.

³⁸ Там же. С. 271.

оценок. В контексте нашей темы его обозрение ценно еще и тем, что в нем упомянуты более 60 испанских поэтов, прозаиков, драматургов и историков. Многие впервые поименованы по-русски; перечень этот представляется даже избыточным: рискну предположить, что некоторые из этих авторов упомянуты в первый и последний раз. Испанские имена в статье Булгарина одновременно и офранцужены, и русифицированы (сейчас такое смешение выглядит комично), но в некоторых случаях именно Булгарину лучше других авторов начала века удастся передать звуковую форму испанского слова. Так, например, в статье появляется Сид (не Цид, как транскрибировал Жуковский), Георгий де Монтемайор, Михаил Сервантес Сааведра, Матвей Алеман и т. п. К сожалению, текст не свободен от искажений, которые нельзя объяснить иначе как простыми опечатками или описками: автор «Графа Люканора», Дон Жуан Манцель; Жуан Бокан (имеется в виду Хуан Боскан); театральный писатель Иосиф Кеньицерц (т. е. Хосе Каньисарес)³⁹.

Перечисляя литераторов и их произведения, Булгарин достаточно сурово отзываясь об испанской литературе на разных этапах ее развития. Так, обо всем, что было до начала XVI в., сказано: «Сверх безвкусица, педантизм, надутость и многословие суть, по свидетельству ученых Критиков, главные свойства всех сочинений в продолжение трех с половиною столетий, до самого царствования Карла Пятого»⁴⁰.

Далее Булгарин выделяет знаменитый Парнасский триумвират: Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон и посвящает творчеству и биографии этих авторов отдельные страницы, но и при них, как видится критику, в испанской литературе не все обстояло благополучно, и повинен в том Лудовик Гонгора: «Между тем словесность всегда более и более приближалась к упадку, и вместо благородного рыцарского языка вошел в употребление язык принужденный, изысканный и высокопарный, истинный отпечаток варварского Правления и испорченных нравов. Лудовик Гонгора почитается в Испании основателем принужденности в литературе, как Марини в Италии, а Мариво и Воатюр во Франции»⁴¹. (Отметим, что Булгарин склонен напрямую связывать состояние словесности в государстве с делами политическими.)

Далее следует очередное перечисление имен и снова неутешительный для испанской словесности вывод: «Из сего множества

³⁹ Я так подробно останавливаюсь здесь и в других местах на передаче имен, поскольку убежден, что неправильное произношение испанских реалий накладывает отпечаток на представление русских читателей об Испании и испаноязычном мире в целом; подобное происходит и в наше время. Мне приходилось слышать такие курьезные варианты, как «Хуан Валера», «Педро Альмодовар» и даже «Хорхе Луис Борхес».

⁴⁰ Булгарин Ф. Взгляд на историю испанской литературы // Сын отечества. 1821. Ч. 72. № 10. С. 296.

⁴¹ Там же. С. 7.

Писателей один только Дон Франциск де Кеведо удостоился чести быть поставленным наряду с Сервантесом»⁴².

О XVIII столетии сказано, что оно «есть самое несчастное и бесплодное для Испанской Словесности»⁴³; общие выводы Булгарина тоже звучат нелестно: «Из сего краткого обозрения мы видели, что Испанская Литература, весьма богатая числом сочинений и именами Авторов, очень бедна истинно великими талантами [...] Какая-то восточная грубость знаменует Поэзию Испанцев; нежный вкус изгнан из произведений драматических; Красноречие не основано на непреложных правилах и смешано с напыщенностью и принужденностью; но История имеет несколько отличных Писателей, а сатирические Романы доведены до совершенства»⁴⁴. Напомню, что обозрение Булгарина было составлено в 1821 г., уже после восстания Рафаэля Риго и восстановления Конституции 1812 г., в самый разгар революционных событий. В заключительных строках Булгарин снова связывает литературу с политическими событиями: «Желательно, — пишет он, — чтобы нынешний энтузиазм Испанского народа ко благу общему пробудил умы из сего летаргического состояния, подвергнувшего его уничтожению во всех отношениях, и, вместе с любовью к отечеству, воспалил священный огонь в жертву Музам и Грациям»⁴⁵.

В последнем обзоре, относящемся к первой половине 1820-х гг. («Нечто об Испании, в отношении к языку, Литературе, Искусствам и общежитию»⁴⁶), литературе как таковой уделено совсем мало внимания, имен испанских авторов не называется; на этом фоне выделяются утверждения, в которых похвала причудливо сочетается с критикой: «Мы уже выше назвали Испанцев нацией истинно Пиитической. Мудрено ли, что главное богатство их Литературы состоит в Поэзии? Сокровища оной столь же драгоценны, как и разнообразны. Тем более должно пожалеть, что оные столь мало еще известны в прочих землях Европы»⁴⁷. И далее: «Никакая Словесность так не бедна произведениями изящного Красноречия, как Испанская»⁴⁸.

Заключение

Работа с текстами *de visu*, в сущности, подтвердила выводы, сделанные на основе библиографического списка: прямых переводов почти нет, обзоры выполнены по французским источникам и повторяют мнения «ученых Критиков» и западных путешественников; некоторые

⁴² Там же. С. 12.

⁴³ Там же. С. 15.

⁴⁴ Там же. С. 20–21.

⁴⁵ Там же. С. 21.

⁴⁶ Новости литературы. 1824. № 24. С. 177–189.

⁴⁷ Нечто об Испании... С. 186.

⁴⁸ Там же. С. 187.

из них к началу века уже устарели. Исключение составляет лишь рецензия на выполненный Жуковским перевод «Дон Кишота». Отметим также, что хотя испанские драматурги в первой четверти XIX в. не переводились на русский язык (не считая одного драматического монолога Томаса де Ириарте), значительная часть испанских «обозрений» посвящена именно театру. Интерес к Испании в это время, был, несомненно, ярко выражен, но по характеру он был не литературным, а политическим; как лаконично сформулировал В. Е. Багно, «первая волна обостренного внимания русского общества к Испании связана с Отечественной войной 1812 года, живо напомнившей русским борьбу Испании с Наполеоном. Вторая волна интереса к испанским делам, а конкретнее, к испанской революции 1820 нарастала в России в среде будущих декабристов и в сочувствовавших им кругах»⁴⁹.

С другой стороны, переводы прозы и поэзии выполнялись регулярно, в разных жанрах; хотя их совокупность и не давала представления об испанской литературе как о единой системе, но уже в ту эпоху позволяла увидеть, насколько эта литература обширна и многообразна: переводились романы, новеллы (повести), лирические стихотворения, басни; был переиздан единственный на то время перевод испанского романа. Среди литераторов первого ряда, обратившихся тогда к испанской литературе, — Карамзин, Жуковский, Вяземский, Батюшков; вскоре к ним присоединится и Пушкин.

В следующие десять лет переводы с испанского начнут появляться лавинообразно.

Уже в 1828 г. появятся первые изданные переводы, о которых можно достоверно утверждать, что они были выполнены непосредственно с оригинала: это первое действие комедии Кальдерона «Трудно стеречь дом о двух дверях»⁵⁰, опубликованное П. В. Киреевским, а также стихотворные опыты К. П. Масальского (тоже начиная с 1828 г.)⁵¹.

К 1827–1828 гг. относится появление первых печатных публикаций, специально посвященных Кальдерону, имя которого укоренилось в русской культуре благодаря переводам из А. В. Шлегеля⁵².

Значительным событием в истории российского испанофильства станут опубликованные переводы романсов о Сиде, выполненные

⁴⁹ Багно В. Е. Испанская литература // Пушкин. Материалы и исследования. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. С. 149.

⁵⁰ Трудно стеречь дом о двух дверях: Комедия. День первый / [Пер.] П. В. Киреевского // Московский вестник. 1828. Ч. 11. № 19/20. С. 234–271.

⁵¹ Вильегас. К ручью // Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 72–73; Лопец де Вега. Размышление // Московский телеграф. 1829. Ч. 30. № 23. С. 306–307; Сетина [Сетина Г. де]. Новая тетива // Московский телеграф. 1830. Ч. 31. № 1. С. 44; Ириарте. Медведь, мартышка и свинья; По случаю // Масальский К. П. Сочинения, переводы и подражания в стихах. СПб., 1831. С. 87–90. Впоследствии Масальский неоднократно переиздавал эти переводы, иногда без указания авторов.

⁵² См.: Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 144–146.

независимо друг от друга В. А. Жуковским и П. А. Катениным (оба — с немецкого: Гердер)⁵³. Русская переводческая мысль обогатится дискуссией о том, как все же следует переводить испанские романы.

В 1831 г. вышел несколько сокращенный «Дон Кихот Ла Манхский» в переводе С. де Шаплета (снова с французской версии Флориана)⁵⁴; в 1832 г. — первые 27 глав «Дон Кихота Ламанчского» в переводе К. П. Масальского (остался незаконченным). Важно отметить, что это первый случай, когда Сервантес переводился в России с испанского языка⁵⁵. Правда, оба они в стилистическом отношении уступают версии Жуковского.

⁵³ Цид. Извлечение из древних романов испанских / В. Ж. // Муравейник. 1831. № 1. С. 9–12; № 2. С. 11–19; Романы о Сиде // Катенин П. А. Сочинения и переводы. СПб., 1832. Ч. 2. С. 119–175.

⁵⁴ «Шаплет откровенно воспользовался находками Жуковского, не стесняясь, черпал из его перевода, причем делал это, по всей вероятности, умышленно, не опасаясь быть уличенным, исходя, возможно, из соображения, что достойное воссоздание на русской почве шедевра Сервантеса — дело общее, и бессмысленно искать новых решений там, где предшественник их уже нашел» (Багно В. Е. Дон Кихот в России и русское донкихотство. С. 40).

⁵⁵ См.: Будагов Р. А. О первом русском переводе «Дон Кихота» с испанского языка // Сервантес: Статьи и материалы. Л., 1948. С. 201–204; сопоставление переводов К. П. Масальского и В. А. Карелина см. в кн.: Багно В. Е. Дон Кихот в России и русское донкихотство. С. 45–51.

О ПЕРЕВОДАХ ФИЛОСОФСКИХ СОЧИНЕНИЙ В РОССИИ В 1801–1825 гг.¹

Восприимчивость русских людей к философской культуре Запада проявилась значительно раньше обозначенного здесь периода. Изучение проникновения европейских философских идей в Россию (преимущественно из Франции, но также из Германии и Англии) начато давно; особое внимание правомерно уделяется XVIII в., однако общей картины философского движения в России даже этого периода пока нет. Это был довольно сложный феномен, в котором наивное восприятие сочеталось с глубоким, даже творческим усвоением и развитием. Однако было бы неверно видеть здесь только явления философского эклектизма: русская мысль уже тогда активно усваивала именно те идеи и направления, которые окажутся органичными и продуктивными для ее развития в будущем.

В XVIII в. наиболее ярко проявилась тенденция к секуляризации русской мысли. Особенно важная роль принадлежала русскому «вольтерьянству», которое представляло собой по преимуществу не столько глубокое изучение и освоение произведений французского мыслителя, сколько так называемое «вольнодумство», порой и богохульство, ставшие элементами не только русской культуры, но и русского быта. По исследованию Д. Д. Языкова, в XVIII — начале XIX в. было сделано более 140 переводов сочинений Вольтера; как свидетельствовали современники, его сочинения «ввозились тогда в великом множестве и находились во всех книжных магазинах». Однако симпатия Екатерины II к Вольтеру, которого она называла своим «учителем», исчезла после французской революции: императрица распорядилась конфисковать все книги Вольтера в магазинах, а его бюст, находившийся во дворце, отправить в подвал.

Влияние Вольтера было наиболее значимым, но не исключительным — большой популярностью в России пользовались сочинения Д. Дидро и особенно Ж.-Ж. Руссо.

¹ Очерк представляет собой подготовительный материал для задуманной автором большой работы по истории русско-немецких связей в области философии. К сожалению, скоропостижная кончина Галины Альбертовны Тиме (1951–2014) не позволила ей осуществить эту замечательную идею.

В связи с тем, что прежняя церковная идеология эпохи феодализма подверглась критике со стороны просветительского рационализма, появилась потребность в создании новой. Ее обоснования искали в «естественном праве», в теории «общественного договора», что нашло то или иное отражение у Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббса, Дж. Локка, а также в русском «просветительстве», остававшемся, в отличие от западного, в основном в рамках монархического сознания.

Все сказанное способствовало усилению интереса к утопическому мировосприятию, к социально-нравственным сюжетам-проектам. Первой переводной утопией этого рода, появившейся на русском языке, был роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (особой популярностью пользовался стихотворный перевод В. К. Тредиаковского — «Телемахида», вызвавший ряд подражаний). В конце XVIII в. появился перевод на русский язык «Утопии» Томаса Мора под названием «Картина всевозможно лучшего правления, или Утопия» (1789). Но особый толчок развитию утопического мышления дал все-таки Руссо с его резким противопоставлением идеализированного естественного строя жизни и цивилизации. Здесь закладывались первые основы критики Запада в русском мировосприятии. И в то же время идеи руссоизма наложились на русские национальные традиции поиска форм справедливого общества, «справедливой жизни», мифического Беловодья. Такое противопоставление городской и сельской жизни, положения барина и крестьянина, в конце концов, заграницы (Запада) и отечественного неустройства, возникшее, разумеется, на социальных основах, в духовной области во многом было связано именно с утопической установкой мысли, которая являлась отражением религиозных чаяний царства Божия как традиционной формы социального протеста и нравственной неудовлетворенности.

Для русских людей дух утопизма был своеобразной подменой религиозной мысли, упадок которой восполнялся мечтательностью. Так, в религиозно-философском журнале Н. И. Новикова «Утренний свет» был напечатан перевод утопической сказки о троглодитах из «Персидских писем» Ш.-Л. де Монтескье. Историк и публицист екатерининского времени М. М. Щербатов написал собственную утопию — «Путешествие в землю Офирскую», где изобразил свой идеал будущей России. Вдохновленный Фенелоном, «социалистической» утопией Э.-Г. Морелли «Базилиада» и утопическим «сном» Л.-С. Мерсье «2440 год», в котором единовластие ограничивалось народным собранием, Щербатов набросал план своеобразного «священно-полицейского строя», в котором главные надзиратели должны быть священниками, — то была далекая предтеча социалистических проектов-утопий XIX и XX вв.

Важной особенностью секуляризированной мысли стало стремление удовлетворить религиозно-философские запросы вне церкви.

Здесь особую роль сыграло русское масонство, которое кроме религиозно-мистического направления преследовало и натурфилософские цели.

Это было начало свободных философских исканий в России, несмотря на первоначальное ученическое следование тем или иным течениям западной мысли. Изучение философии происходило в основном в духовных академиях (Киев, Москва), в университете (сначала лишь в Москве, где университет был открыт в 1755 г.). «Школьная» философия внесла свой вклад в развитие философской культуры.

Рядом с модными «вольтерьянцами» возник новый тип русского интеллигента — подлинно образованного, следящего за происходящим в Западной Европе, особенно во Франции, но стремящегося к созданию «мирской» русской национальной идеологии. В этом отношении наиболее характерен тип русских ученых и мыслителей, получивших образование и живших подолгу в Европе. Среди них А. Д. Кантемир, который перевел на русский язык «Персидские письма» Монтескье (перевод утерян) и книгу Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (1740); позднее, по ходатайству Синода, она была конфискована. Он же написал «Письма о природе и человеке» — опыт популярного изложения основ естествознания. Кантемиру принадлежит заслуга введения в обиход русского философского языка таких терминов, как идея, понятие, вещество (материя) и др.

Первый русский историк В. Н. Татищев являлся последователем Т. Гоббса и его учения о государстве. Но в стремлении найти обоснование «новой интеллигенции» Татищев исходил из популярной в XVIII в. доктрины «естественного права», базировавшейся на признании нерушимой автономии личности, которую не могут ослабить ни церковь, ни государство.

Противопоставление естественных законов, как божественных по своему происхождению, законам церковным ознаменовало появление «нового сознания». Обращение к принципам «естественного права», противопоставляемого церковным установлениям, входило существенным элементом в новую идеологию. На русском языке появились переводные сочинения по «естественному праву», а в 1764 г. В. Т. Золотницкий выпустил компилятивную книгу «Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов, или рассуждения о действиях и нравах человеческих».

Уже в XVIII в. в России провозглашается превосходство нравственности над разумом; на первый план выдвигается «развитие изящнейшего сердца» и «умонаклонения к добру» — отечественный вариант сентиментализма, обостренный особенно тяжелым состоянием крепостнического общества в огромной империи, превосходившей своими географическими размерами всю Европу.

Западные философские идеи проникали в Россию не только посредством переводов, но и через произведения русских писателей и мыслителей, обучавшихся в Европе. Так, в сочинениях А. Н. Радищева обнаруживается знакомство с Г. Гердером, К.-А. Гельвецием, английскими философами (Дж. Локком, Дж. Пристли), следы влияния теории познания Г. В. Лейбница.

М. В. Ломоносов, первым в России попытавшийся объединить «принципы науки и религии», также был знаком с учением Лейбница, хорошо знал взгляды Р. Декарта (переводы его сочинений появились в России лишь в конце XIX в.), которого считал мыслителем, отрывшим дорогу к «вольному философствованию», и следовал ему в определении материи.

Несколько иной является позиция тех, кто искал удовлетворения своих религиозных исканий в масонстве. Русское масонство XVIII — начала XIX в. сыграло громадную роль в духовном развитии страны: с одной стороны, уведило от поверхностного «вольтерьянства», а с другой — от церкви, включившись тем самым в процесс секуляризации. Это была реакция на односторонний интеллектуализм эпохи. Наиболее важной стала установка на нравственность: «просвещение без нравственного идеала несет в себе отраву». Русские масоны были своего рода «западниками», они ждали откровений и наставлений от западных «братьев», от розенкрейцеров (ответвление масонства) и много сделали для приобщения русских к религиозно-философской литературе Запада.

В переводческой и оригинальной масонской литературе явственно прослеживается основная религиозно-философская тема: учение о сокровенной жизни человека, о сокровенном смысле жизни вообще. «Внутреннее понимание христианства» импонировало русскому религиозному чувству, исторически воспитанному церковными распрями (раскол) и ересями.

Благодаря масонам на русском языке появились многочисленные переводы западных мистиков, оккультистов. Среди них граф Л.-К. де Сен Мартен («О заблуждениях и истине», 1775; русский перевод И. В. Лопухина 1785 г.), Ангел Силезский, В. Вейгель и др.

Таким образом, к началу XIX в. русская философская мысль сформировала определенные отчетливые позиции. Наиболее важные из них:

1) знакомство с философской литературой Запада, проявление первых тенденций будущих самостоятельных опытов в области философии;

2) утверждение свободы мысли, «вольного философствования», а также светской культуры в разных формах, служивших секуляризации общества (русское «вольтерьянство» нигилистической и радикальной направленности, просветительство, масонство);